

ПОРЧЕННАЯ.

(БЫТОВАЯ ПОВѢСТЬ).

(Окончаніе) ¹⁾.

IV.

Потянулись скучные дождливые дни глубокой осени. Въ низенькой хатѣ дядыны Оксаны было сумрачно и темно; дождь докучливо барабанилъ въ стекла небольшихъ низенькихъ оконъ, а вѣтеръ жалобно завывалъ въ одинокой трубѣ.

Дядына Оксана мыла бѣлье, съ помощью „наймычки“ Одарки, нанятой Петромъ, а Ганна, еще очень слабая и блѣдная, сидѣла у окна и торопливо вышивала дядынѣ сорочку. Нерѣдка она задумывалась и тревожно посматривала на грязную улицу.

— Засвѣты, доню, каганецъ,—ласково сказала дядына Оксана, обращаясь къ Ганнѣ:—бо вже ничего не выдно въ хати. Та й ты тамъ щось слипаешъ поночи!

— Заразь...

Ганна встала и направилась въ сѣни за „каганцемъ“. Только что она протянула худую руку къ полкѣ, гдѣ помѣщались разные хозяйственные пожитки, какъ дверь со двора шибко распахнулась и на порогѣ показалась стройная, молодцоватая фигура Петра.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“, августъ.

У Ганны сильно забилося серце и она замерла на мѣстѣ съ протянутой рукой. Вся кровь сразу бросилась ей въ лицо, потомъ отхлынула до послѣдней капли, и она стояла блѣдная, какъ полотно; только ея черные, глубокіе глаза блестѣли, какъ раскаленные угольки... Она въ неподдѣльномъ смущеніи отвернула лицо и прислонилась къ стѣнкѣ, чтобы не упасть.

— Що ты робишьъ, Ганно?—раздался за ея спиной симпатичный голосъ Петра.

— Шукаю каганця,—отвѣчала дѣвушка тихо, стараясь не смотрѣть на него.

— А ось стрывай, лышень, то я тобі поможу!

Она молчала, а онъ, порывшись на полкѣ, подалъ ей „каганецъ“ и прошель въ хату.

Ганна тяжело вздохнула и задумчиво смотрѣла въ слѣдъ уходящему парню.

— Боже, який винъ щырий, та гарный!—чуть слышно произнесла она, когда онъ скрылся за дверью.

Она глубоко чувствовала безпредѣльную благодарность къ этому молодому парню, совсѣмъ ей чужому, сдѣлавшему ей столько добра; но каждый разъ, когда она думала объ этомъ, у ней сжималось отъ боли сердце и слезы невольно навертывались на глазахъ.

— Навищо винъ це все робить, навищо?—съ тоской думала она.—Я прычинна, недужа... я не могу заробляты; не могу ничымъ виддячыты ему! Здається, я бѣ и и день, и ничъ робила на его, та на дядьну, та колы жѣ руки мои мліють, а сама я не маю сылы... Охъ, тяжка моя доля!..

И съ каждымъ днемъ ей было все мучительнѣе и мучительнѣе сознавать свое ничтожество, свою слабость и болѣзненность.

Ей было невыносимо больно пользоваться услугами и заботами Петра и, въ одно и то же время, было такъ пріятно, такъ отрадно! Бывали минуты, когда она гордилась тѣмъ, что онъ заботится о ней, порченной, что онъ, такой умный, хорошій и добрый, не хочетъ ни съ кѣмъ знакомиться изъ деревенскихъ дѣвушекъ, а проводить вечера у дядыны Оксаны, вмѣстѣ съ ней, весело рассказывая о житѣ-бытѣ большихъ городовъ...

Когда Петро не приходилъ къ дядынѣ какой вечеръ,—она скучала и съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидала слѣдующаго вечера, въ надеждѣ увидѣть его доброе, открытое лицо и ласковые, веселые глаза, голубые, какъ лѣтнее небо. Завидя же его, она смущалась, краснѣла, и сердце ея начинало то замирать, то биться такъ шибко, такъ тревожно!

— Ганно! чы ты тамъ заснула, чы що, що й доси не несешъ намъ каганця?—отозвалась дядына Оксана, пріотворивъ дверь.

— Заразь... несу!—смущенно сказала Ганна, входя въ хату съ зажженнымъ каганцемъ.

Она опустила внизъ глаза и осторожно поставила его на „прыпичокъ“.

Слабо мерцающій огонь освѣтилъ ея блѣдное лицо, похудѣвшій станъ и сжатія губы. Со дня пожара она страшно похудѣла и поблѣднѣла, но лицо ея носило теперь отпечатокъ сосредоточенности и спокойствія, а глаза свѣтились чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ счастья. Несмотря на ея страшную худобу, она все же была очень хороша и мало походила на простую крестьянскую дѣвушку.

Всѣ три женщины усѣлись вокругъ огня, кто на „прыпичку“, а кто на „лави“ и принялись за шитье и пряжу. Петро сидѣлъ у окна и крутилъ папироску, вынимая табакъ изъ „кисета“.

Дождь, по прежнему, крупными каплями барабанилъ по стекламъ, а вѣтеръ злобно шумѣлъ голыми вѣтками деревьевъ и жалобно, монотонно завывалъ въ трубѣ.

— Ну, тай халепа сегодня на дворі!—сказала дядына Оксана, качая головой.—Зачыны, Одарко, выюшку въ комини: може не такъ буде витерь завываты.

— То вже правда, що негидь на дворі! Добрый хазяинъ и собаки не выпустыть зъ хаты, а я таки прыйшовъ до васъ, дядыно!—отозвался Петро, улыбаясь.

— Не штука перейты изъ хаты въ хату! Та й що тоби робить одному въ хати? Ходы, ходы, мій сыну: все жъ такы веселійшь буде твой хрещеній матери!—лукаво улыбаясь, сказала старуха Оксана.

Ганна еще ниже наклонила голову надъ работой, а иголка въ ея блѣдной рукѣ, чуть дрогнувъ, заходила еще быстрѣе по толстому полотну...

Веселая Одарка то и дѣло хихикала и нашептывала что то тихо Ганнѣ, которая слушала ее молча и серьезно.

— А ну, лышень, роскажи намъ, Петро, зновъ про те, якъ ты издывъ зъ грапомъ въ заграницю куповать квитки, а ще якись тамъ... Ну бо, скажи вже, бо забула!—заговорила дядына Оксана протяжно и, замолчавъ, громко зѣвнула во весь ротъ.

Петро улыбнулся и весело спросилъ.

— Може ананасы?

— Эге, эге: апанасы!—сказала Оксана, утвердительно кивая головой.

Одарка засмѣялась звонкимъ хохотомъ, а серьезная Ганна чуть чуть улыбнулась.

— Чого жъ ты смієся, дурна? Кто жъ его тамъ знае, якъ воно у нихъ зоветця! обиженно сказала дядына Оксана обращаясь къ Одаркѣ.

Та фыркнула отъ смѣха, закрывая ротъ и все свое некрасивое, расплывшееся лицо вышитымъ рукавомъ своей грубой сорочки.

— Добре, роскажу!

И Петро долго и оживленно рассказывалъ о тѣхъ чудесахъ, какія онъ видѣлъ за границей и у богатаго графа, въ его имѣнїи въ N—скѣ. Его звучный, молодой голосъ заглушалъ тоскливое завываніе вѣтра и неприятное дребезжаніе стеколъ, дрожавшихъ отъ напора крупныхъ капель осенняго дождя...

V.

Настала зима. Грушевка опустѣла и спала тихимъ непробуднымъ сномъ установившейся уже прекрасной зимы. Обледнѣлыя вѣтки деревьевъ покрылись узорчатыми иглами инея и кокетливо сплетались надъ соломенными крышами бѣленькихъ, какъ снѣгъ, хатенокъ. Улицы стали чистыя, ровныя и бѣлыя. Въ воздухѣ, морозномъ и свѣтломъ, громко чврикая, весело порхали

воробьи и снѣгири. Гдѣ то далеко таинственно раздавался протяжный свистъ скучающаго „парубка“...

Блѣдное солнце то выглядывало изъ за опушки лѣса, осторожно пробираясь своими мерцающими лучами сквозь нарядныя бѣлыя вѣтки величественныхъ, гордыхъ дубовъ, то поспѣшно пряталось, мигая и дрожа, за темныя снѣговыя тучки...

Петро весь день не выходилъ изъ своей хаты и озабоченно, торопливо собирался, какъ видно, въ дальній путь, изрѣдка перекидываясь короткими фразами со своими двумя „наймытами“ и укладывая свои вещи въ „скрѣню“, замѣняющую чемоданъ. Какая то затаенная грусть омрачала его всегда веселое лицо, а глаза, опущенные и серьезные, безпокойно перебѣгали съ „лавы“, заваленной вещами, на замерзшее узорчатое окно, выходящее прямо на улицу...

Дѣйствительно, онъ собирался въ дальній путь: на дняхъ онъ получилъ письмо изъ конторы главнаго управляющаго графа, чтобы онъ немедленно прїѣхалъ въ N—ское имѣніе замѣнить, на самое короткое время, умернаго эконома, если только его ничто не задерживаетъ въ Грушевкѣ.

— Що жъ мене може тутъ задержать?—въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ и каждый разъ, какъ бы въ отвѣтъ, неотступно становился передъ его глазами образъ блѣдной, серьезной и задумчивой Ганны.

— Господы, Боже мій! Хыба не кращыхъ я бачывъ у двору у графа,—съ досадой думалъ Петро, стараясь отогнать отъ себя образъ молчаливой и безкровной дѣвушки, но—онъ снова стоялъ передъ его глазами, снова всецѣло наполнялъ его думы!

— Ни, не поиду я!—рѣшительно крикнулъ онъ и сталъ поспѣшно выбрасывать изъ сундучка вещи, громко ударяя ими объ глиняный полъ.

— Оттаке тобі! не поиду!... Якъ же жъ можна не ихать, колы вже й напысавъ, що безприминно буду завтра ввечери?!—еще громче крикнулъ онъ, когда „скрѣня“ его совершенно опустѣла.

— Ни, поиду жъ такы! поиду!—настойчиво твердилъ Петро, торопливо совая вещи обратно въ сундучекъ.

А тамъ гдѣ то, внутри у него, что то ныло, что то тоскливо билось и болѣло... Какое то необъяснимое, неиспытанное еще имъ чувство, и мучительное, и пріятное, въ одно и то же время, наполняло все его молодое существо. Была ли то жалость къ одинокой, слабой и болѣзненной дѣвушкѣ и привычка видѣть ее постоянно, чуть не каждый день,—или то было что либо серьезнѣе и прочнѣе простой привычки и жалости—Петро не могъ рѣшить...

И припомнился ему такъ живо вчерашній вечеръ, проведенный у дядыны Оксаны: какъ сильно поблѣднѣла Ганна, какъ испуганно взглянула она на него, когда онъ сказалъ, что долженъ завтра же уѣхать на время въ N—ское имѣніе!...

Петро сильно задумался. Онъ не замѣтилъ, когда и какъ ушли его „наймыты“, какъ онъ уложилъ въ сундучекъ вещи и какъ въ его хатѣ, пустой и непріятной, тихо скрипнула дверь...

— Петро!... вдругъ послышался за его спиной тихій, взволнованный лепетъ.

Онъ быстро обернулся и увидѣлъ передъ собой блѣдную Ганну. Она была безъ „свыты“ и только небольшой цвѣтной платокъ прикрывалъ ея черные, лоснящіеся волосы. Она быстро, торопливо, не давъ ему опомниться, протянула къ нему дрожащую холодную руку и, задыхаясь, тихо сказала:

— Це иконка Пречыстои... возьми, Петро: нехай вона тебе сохраняе!...

Слезы блеснули на ея длинныхъ рѣсницахъ, и она быстро выбѣжала изъ его хаты...

Петро стоялъ, какъ ошеломленный...

Образъ Ганны, такъ неожиданно мелькнувшій передъ его глазами, мгновенно освѣтилъ его печальное лицо, разогналъ мрачныя думы и наполнилъ его душу отрадой и счастьемъ... Но... она, какъ молнія, блеснула и исчезла!... И снова внутри его что то заняло и тоскливо забилося; снова онъ, какъ и до прихода ея, остался одинъ въ этой обширной, но непріютной хатѣ,—печальный, скучающій и мрачный!...

Много времени прошло послѣ ухода Ганны, а Петро все стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и только молча прижималъ крѣпко къ взволнованной груди маленькій мѣдный образокъ...

Вечерѣло. Морозъ становился сильнѣе и холодный морозный вѣтеръ сурово осыпалъ иней съ шумящихъ вѣтокъ деревъ. Во всемъ селѣ царила страшная пустота, безлюдіе и мертвая тишина. Но вотъ послышалось нетерпѣливое ржаніе молодой лошади и скрипъ ворсть... Небольшія сани, съ двумя закутанными сѣдоками, глубоко врѣзываясь въ скрипучій снѣгъ, шибко пронеслись мимо хаты дядыны Оксаны и скоро скрылись за опушкой лѣса, повернувъ на широкую дорогу, ведущую прямо въ мѣстечко Червоное... То ѣхалъ Петро со своимъ „наймытомъ“, нетерпѣливо погоняя лошадь, боясь опоздать къ поѣзду...

Никто не замѣтилъ, какъ онъ проѣхалъ черезъ село, никто не провожалъ его, — только два глаза, темные какъ ночь, печально и тревожно глядѣли черезъ щелку Оксаныныхъ сѣней, пока сани совсѣмъ не скрылись далеко за лѣсомъ...

Съ отъѣздомъ Петра, у Ганны работа совсѣмъ не спорилась: возьметъ въ руки сорочку дядыны Оксаны, начнетъ вышивать неконченную „пазуху“ и задумается, неподвижно уставивъ глаза въ одну какую нибудь точку... Такъ сидитъ она часъ—другой, пока, наконецъ, дядына Оксана или вертлявая Одарка не выведутъ ее изъ оцѣпенѣнія заботливыми разспросами о здоровьѣ, которые ей казались теперь такими неприятными и докучливыми...

— Що тобі, доню?... Може болить голова?—спросить, бывало, дядына Оксана, подойдя къ ней близко и ласково погладить ее по чернымъ, какъ смоль, волосамъ.

Ганна съ мольбой посмотритъ ей прямо въ глаза и тихо скажетъ:

— Ни, не болить. .

— Гай-гай! хочъ бы панна хвелшериця швидче приехала, або Петро, бо я вже й не знаю, що зъ тобою, Ганно, діється!...

Она только судорожно сожметъ губы при его имени и еще ниже наклонитъ голову надъ работой.

Бывали дни, когда она, съ утра до вечера, лежала на „лави“, отвернувшись къ стѣнкѣ лицомъ и тихо стонала,—или, забывшись за печку, просиживала тамъ безвыходно нѣсколько часовъ.

Иногда Ганна выходила изъ дому, не говоря ни слова ни дядынѣ Оксанѣ, ни Одаркѣ и, шатаясь, возвращалась истомленная и блѣдная, какъ мертвецъ. То были дни для нея самые ужасныя: тогда она страдала страшными нервными припадками, истощавшими ее за послѣднее время особенно часто и продолжительно. Нерѣдко, послѣ мучительныхъ припадковъ истерики, она долго просиживала подъ хатой, въ снѣгу, вспоминая свое безотрадное прошлое и недавнюю потерю отца, и ничто не могло ее утѣшить, ничто не могло разсѣять ея мрачныхъ думъ!...

О Петрѣ она старалась не думать, а между тѣмъ все кругомъ ей напоминало о немъ: и „лава“, и „прыпичокъ“, и „каганецъ“, и даже толстый старый котъ, который любилъ дремать на колѣнахъ у Петра, прищуривая хитрые зеленые глаза... Эти напоминанія для нея были ужасны: уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ уѣхалъ Петро, а о немъ нѣтъ ровно никакихъ вѣстей!... Гдѣ онъ? что съ нимъ? увидитъ ли она его когда нибудь?... Быть можетъ, его доброе лицо и ласковый взоръ давно обращены въ другую сторону, гдѣ онъ нашелъ и счастье, и спокойствіе, и взаимную любовь?... Эти вопросы, постоянные, неизбѣжные и упрямые, приводили ее то въ изступленіе и дикое отчаяніе, то въ болѣзненное томленіе и тихую, безмолвную тоску и грусть...

VI.

Было холодное, морозное утро; пролеталъ маленькій снѣжокъ и, сильно кружась въ воздухѣ, быстро опускался на мерзлую землю. Вѣщуньи—вороны, купаясь въ снѣгу, громко каркали, нарушая безмятежную тишину Грушевки... Небо заволокло тучами, а вѣтеръ подулъ прямо съ сѣвера. Готовилась вьюга.

А въ хатѣ дядыны Оксаны было тепло и по прежнему уютно, чисто и просто: въ переднемъ углу, на право, висѣли два небольшихъ образа Божьей Матери и Спасителя, украшенные засохшими вѣточками калины, мяты и „любыстку“; на лѣво, наискосокъ отъ угла съ образами,—большая печка, вымазанная бѣлой глиной и разрисованная красными и синими замысловатыми птицами и пѣтушками; подъ образами—небольшой дере-

вянный столъ, накрытый бѣлой самодѣльной скатертью; подъ стѣнками—нѣсколько „лавъ“; на „килочку“ возлѣ печки—вышитый „рушныкъ“ и длинная деревянная полка съ глиняной посудой...

Дядына Оксана вмѣстѣ съ Одаркой молча мотали толстыя сѣрыя нитки на длинныя „талъки“, а Ганна, сидя на „прыпичку“ съ „куделью“, задумчиво пряла, мѣрно спуская на глиняный полъ жужжащее веретено.

Въ сѣняхъ послышались чьи то тяжелые шаги и въ хату вошелъ высокій закутанный человѣкъ.

Онъ неуклюже поклонился всѣмъ и, переминаясь съ ноги на ногу, хрипло заговорилъ:

— Богъ помичъ, добри люде!

Дядына Оксана пристально посмотрѣла на вошедшаго и отвѣтила протяжно, на распѣвъ:

— Спасыби, чоловиче!

— Чы тутъ живе Оксана Чипурыха?

— Я—Оксана Чипурыха, а чого тобі треба, чоловиче?

— Ось, тее то, до васъ е пысулька...

Человѣкъ медленно отвернулъ тяжелую полу „кожуха“ и, порывшись въ карманѣ „свыты“, досталъ большой засаленный конвертъ и подаль дядынѣ Оксанѣ.

— Звидкиля жъ це?—спросила дядына.

— Зъ конторы управляющего нашего грапа Б—ко!—отвѣтилъ онъ.

Ганна слабо вскрикнула и, отбросивъ въ сторону кудель, встала съ „прыпичка“ и испуганно, тревожно смотрѣла на человѣка.

— Видь кого... цей лысть?... задыхаясь, спросила она, подбѣжавъ вдругъ близко къ человѣку и теребя его нервно за рукавъ.

Онъ изъ подлобья взглянулъ на блѣдную Ганну съ сверкающими глазами и съ сожалѣніемъ покачалъ головой.

— О-це, дило! О-це, оказія!—бормоталъ онъ смущенно, рассматривая изнуренное лицо дѣвушки.

— Видь кого?... Видь Петра?... Може, слабый?!... почти вскрикнула она надъ самымъ его ухомъ.

Широко открытые глаза ее блеснули страшнымъ отчаяніемъ и уставились прямо на смущеннаго, оторопѣвшаго человѣка.

— Не знаю, тее-то, дивчыно, ничего не знаю!.. Мое дило зъ краю!... въ контори мени дано...

Руки ее опустились, какъ плети, взоръ мгновенно потухъ; полу-закрывъ глаза и низко нагнувъ голову, она стояла тихо, не шевелясь; только порывистое, тяжелое дыханіе сильно колебало всю ее грудь... Ноги у ней дрожали и отказывались служить, а мысль работала ясно, напряженно и ужасно быстро...

Всѣ смолкли и растерянно, выжидательно смотрѣли на нее.

Но вотъ, она подняла голову, протянула руки и, сдѣлавъ нѣсколько неуверенныхъ шаговъ, повисла на шеѣ дядынѣ Оксанѣ.

— Голубонько!... Сердце мое... пошлите за Даныломъ Гаврыловичемъ!.. молила она тихо прерывающимся голосомъ, цѣлуя ее морщинистое, какъ печеное яблоко, лицо и крѣпко обнимая ее плотную фигуру холодными, какъ лёдъ, руками...

— Годи, годи бо, доню!... Богъ зъ тобою!... Годи бо, кажу!... Ось, заразъ поплю!—говорила ласково, слезливо дядына Оксана, стараясь усадить дрожащую Ганну.

Одарка, все время пугливо жавшаяся къ печкѣ, подбѣжала къ дядынѣ и торопливо сказала:

— Я збигаю, дядыно,—добре?..

Оксана кивнула ей головой и прибавила:

— Швыдче жъ тилькы!

Человѣкъ давно уже пятился къ порогу и отыскивалъ свои безпальны рукавицы и барашковую шапку.

— Будьте здоровы, добри люде! — сказалъ онъ уже у самого порога и вышелъ изъ хаты.

Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ Одаркой, которая на ходу натягивала на одинъ рукавъ свиту.

— О-це, дило! О-це, оказія!—твердилъ онъ, нахлобучивая шапку и пожимая плечами.—Що це зъ нею робытса?

— Що? та це жъ наша причинна!—шепнула ему тихо Одарка, выбѣгая изъ сѣней.

— Э-ге! ось воно якъ!... протянулъ онъ и, перекрестившись, сѣлъ въ сани...

Данило Гавриловичъ былъ сынъ дьячка, выгнанный бур-сакъ, попавшій, по протекціи благочиннаго мѣстечка Червонаго, въ Грушевку учителемъ земской народной школы. Получая въ годъ 60 рублей, онъ не гнушался всякими подаваніями крестьянъ въ видѣ „яичекъ“, „мучицы“, куръ и прочихъ жертвоприношеній. Кромѣ школы, у него были еще безгрѣшные доходы: слыва въ селѣ первымъ грамотѣемъ и щеголяя передъ грубыми простаками крестьянами своей витѣватой бурсацкой рѣчью, онъ пользовался у нихъ большимъ авторитетомъ и успѣшно занимался писаніемъ разныхъ прошеній, жалобъ, кассаций и писемъ. Не любили его только одни „парубки“, какъ опаснаго соперника и сельскаго Донъ-Жуана: щеголь большой руки, сносной наружности, довольно молодой, ловкій и хитрый, онъ съ легкостью покорялъ сердца деревенскихъ кокетокъ. Эти ухаживанія были чисто ловеласническаго свойства, потому что Данило Гавриловичъ не помышлялъ ни на одной жениться, да и тающія отъ его нѣжностей „дивчата“ не смѣли и думать о такомъ недосягаемомъ величіи—сдѣлаться невѣстой „паньча“!.. Онъ пока свободно ухаживалъ за дѣвушками и съ большою осторожностью за „бабами“, потому что уже не разъ въ своей жизни „страдалъ“, т. е. не разъ уже толстая дубина оскорбленнаго мужа измѣряла его гибкую спину вдоль и поперекъ! Зимой онъ носилъ табачнаго цвѣта пальто „весьма—очень прекрасное“—какъ выражался о немъ самъ Данило Гавриловичъ,—длинные черныя брюки и своеобразную сѣрую шляпу съ широкими полями. Лѣтомъ онъ щеголялъ крахмаленными сорочками, „пинжаками“ и пестрыми широкими галстуками... Жилъ онъ вмѣстѣ со своей старухой—матерью, недавно овдовѣвшей дьячихой мѣстечка Червонаго, недалеко отъ Оксаны, въ той же части села, въ домѣ, гдѣ помѣщалась школа.

Данило Гавриловичъ шелъ быстро, широко шагая по глубокому свѣжему снѣгу, стараясь догнать почти бѣгущую впереди Одарку.

Вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо и нагонялъ на него груды снѣга, залѣвливающего ему, точно рой назойливыхъ мухъ, глаза и покрывающего все его „весьма—очень прекрасное“ пальто и шляпу.

— Безподобная Одарко! тоскливо мнѣ ступать по твоимъ стопамъ, не видя твоего луннаго сіянія съ очами, яко звѣзды, съ медовыми устами, яко кораллы!—сказаль онъ тоненькимъ теноркомъ, нагоняя Одарку.

— Що вы говорите, Даныло Гаврыловичъ?—спросила Одарка, хихикая и отряхивая со свиты снѣгъ.

— Вотъ „що“!...

Даныло Гаврыловичъ обнялъ Одарку, улыбаясь и лукаво прищуривая глаза.

Дѣвушка взвизгнула, вырвалась и, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, побѣжала впередъ.

Ганна, немного успокоившись и поджидая Данила Гаврыловича, внимательно разсматривала непонятныя для нея крупныя буквы на конвертѣ и, ощущая въ немъ что то твердое, недоумѣвала, что это, отъ кого и зачѣмъ прислано дядынѣ Оксанѣ? Не отъ Петра ли?.. Всѣ мысли, всѣ ея желанія слились въ одно: скорѣе узнать содержаніе письма!

— Вотъ и я, многотимая дядына! Мирное, успокоительное пребываніе дому вашему! Бью челомъ и лѣпообразной и благоотипной Ганнѣ!... Почто я, сирѣчь, Даныло, а по батюшкѣ—Гаврыличъ, почто, глаголю, понадобился я вамъ въ велию непогоду и вьюгу?—спросиль Даныло Гаврыловичъ, входя въ хату дядыны Оксаны и кланяясь ей и встрепенувшейся Ганнѣ.

— Сидайте, Даныло Гаврыловичъ, та, поки Одарка принесе намъ горилки, прочитайте намъ оцей листь.

— Отмѣнно!—Онъ, съ сознаниемъ собственнаго достоинства, важно усѣлся на „лави“, откашлялся и громко прочиталь, срывая конвертъ: „Въ село Грушевку, Оксанѣ Чипурихѣ. Со вложеніемъ карточки“.

Что то сѣрое выпало изъ конверта, скользнуло по его пальто и упало къ ногамъ Ганны...

Она, съ сильно бьющимся сердцемъ, схватила карточку и, забывъ всѣхъ и все, съ безумнымъ восторгомъ, озаряющимъ ея чуть зардѣвшееся лицо, и вспыхнувшимъ неподдѣльнымъ счастьемъ взоромъ, упорно шептала, теряя сознание отъ неожиданнаго наплыва радости, послѣ столькихъ мученій:

— Петро!.. Петро!.. якъ живый... якъ живый...

Она лишилась чувствъ, сжавъ судорожно—крѣпко въ своей холодной рукѣ карточку улыбающагося Петра...

VII.

Весна была ранняя и прекрасная. Старуха—зима, встрѣтивъ теплый и нѣжно насмѣшливый взглядъ юной красавицы, волшебницы—весны, покорно оторвала свой холодный долгій поцѣлуй отъ жизненной земли и начала собираться въ путь. Она медленно, своими старческими холодными руками, подобрала бѣлый дырявый саванъ, сняла ледяныя цѣпи со стонущей и бьющейся ключемъ рѣчки и протянула мертвящія, ледяныя уста къ улыбающейся, расцвѣтающей юной прелестью и нѣгой красавицѣ... Но, почувявъ ея теплое дыханіе и блескъ лучистыхъ глазъ, съезжилась и, вздрогнувъ всѣми своими окоченѣлыми, дряхлыми членами, упала и стала жалобно, продолжительно стонать... Она стонала и плакала и слезы ея текли потоками и ручьями... Саванъ, цѣпи и ея окоченѣлые члены—все превращалось въ холодныя слезы и только душа ея взвилась въ видѣ облачка и парила къ голубымъ чистымъ небесамъ... А весна, не переставая, хохотала, заливаясь нѣжнымъ серебристымъ хохотомъ и захватывая безпредѣльное пространство, преслѣдовала полетъ души жалкой старухи! И тамъ, въ безпредѣльномъ пространствѣ, ей слышался юный, причудливый хохоть весны! А весна заливалась трелями жаворонка, стрекотаніемъ кузнечиковъ, лепетомъ раннихъ цвѣтовъ и нѣжнымъ шелестомъ оживающихъ деревьевъ... И все кругомъ внимало ей, просыпалось, зеленѣло и ликовало!...

Въ жизни порченной Ганны тоже началась весна, сдѣлавшая переворотъ во всемъ ея организмѣ; и она сочувственно смотрѣла на ликующую, чудную природу!...

Петро писалъ дядынѣ Оксанѣ, что не прїѣзжаетъ въ Грушевку такъ долго потому, что со смертью эконома, въ N—скомъ имѣніи набралось много работы и онъ, вмѣстѣ съ повымъ экономомъ, работаетъ безостановочно все это время. Весной тоже работы будетъ много и онъ не можетъ отказать графу—покро-

вителию его умершаго отца—и не заняться въ его роскошныхъ садахъ. Это будетъ его послѣдняя услуга графу, а затѣмъ онъ прійдетъ навсегда въ Грушевку. Далѣе,—онъ просить дядьну Оксану заблаговременно заняться посѣвами на его полѣ и огородѣ. Карточку свою просить передать собственно Ганнѣ, желая ей скорѣе выздоравливать и не забывать преданнаго ей всей душой...

И Ганна, дѣйствительно, поправлялась скоро. Она вставала рано, лихорадочно принималась вмѣстѣ съ Оксаной копать гряды въ огородѣ, часто ходила въ садъ Петра и собственноручно насадила цвѣтовъ передъ окнами его хаты. Но у ней мало еще было силы и здоровья: поработавши часть-другой, обезсиленная и вялая, она возвращалась въ хату и лежала безъ движеній, съ закрытыми глазами, пока крѣпкій сонъ не оковывалъ ея усталые члены. Отдохнувши послѣ работы, Ганна становилась оживленнѣе, разговорчивѣе и даже иногда улыбалась. Карточка Петра была при ней безотлучно, и она часто всматривалась въ его добрые глаза и ей было такъ отрадно, такъ весело! Незамѣтно и пріятно проходили у ней дни за днями...

Весна была во всей силѣ и вся Грушевка окуталась бѣлой пеленой цвѣтущихъ фруктовыхъ деревьевъ; воздухъ, чистый и здоровый, наполнился опьяняющимъ, захватывающимъ дыханіе ароматомъ и чудными таинственными звуками, свойственными только чародѣйкѣ—веспѣ...

Снова дядьна Оксана получила письмо отъ Петра. Дѣлая разныя хозяйственныя распоряженія, онъ, между прочимъ, писалъ, что скоро прійдетъ и просить Ганну беречь свое здоровье, поправляться и не забывать его...

Эти напоминанія „поправляться“ были теперь почти излишни, такъ какъ здоровье Ганны съ каждымъ днемъ все больше крѣбло, а нервныя припадки почти совсѣмъ прекратились. Вмѣстѣ съ здоровьемъ къ ней возвратилась веселость и бодрость. Одарку дядьна Оксана отправила и всѣ ея обязанности съ восторгомъ исполняла Ганна. Вѣра. Ѳедоровна Красовская, изрѣдка посѣщающая Грушевку, съ радостью замѣчала, какъ здоровый румянецъ покрывалъ пополнѣвшія щеки Ганны, а глаза искрились энер-

гій и счастьемъ. Высокая, стройная, съ пышными длинными косами и легкимъ румянцемъ на бѣломъ лицѣ—Ганна была дивно хороша. Она поздоровѣла и цвѣла, какъ нѣжный весенній цвѣтокъ. Многіе „парубки“, забывъ, что она порченная, заглядывались на нее и, при встрѣчѣ, кричали ей въ слѣдъ:

— Та и гарна жъ Ганна!...

Даже самъ Данило Гавриловичъ сталъ какъ будто степеннѣе и часто по долгу задумчиво смотрѣлъ въ сторону Оксаныной хаты...

Быль чудный майскій день. Солнце привѣтливо бросало свои золотистые косые лучи на Грушевку и, заглядывая по сторонамъ, игриво уронило одинъ дрожащій, нѣжный лучъ на маленькую повозочку и ея молодого, красиваго сѣдока...

Онъ щуриль голубые глаза и отбрасывая свѣтлые волосы, докучливо спадающіе крупными кольцами на бѣлый лобъ, разсѣянно поправлялъ соломенный деревенскій бриль.

Маленькое облачко пыли, преслѣдуя его, осторожно сыпало пылинки на его бѣлую, какъ снѣгъ, вышитую сорочку... Подъѣзжая къ селу, въ томительномъ ожиданіи и не зная, что его тамъ встрѣтитъ, онъ затянулъ груднымъ молодымъ голосомъ заунывную пѣсню...

Голосъ его, полный грусти и задушевности, разносился далеко надъ лѣсомъ и, съ каждымъ шагомъ усталой лошаденки, становился все слышнѣе, все ближе къ селу...

Ганна бодро и шибко шла къ колодцу, перекинувъ черезъ плечи коромысло съ пустыми ведрами. Солнце, подымаясь выше, жгло довольно сильно; въ воздухѣ, сухомъ и тихомъ, становилось душно. Ганна, обмахнувъ рукавомъ сорочки раскраснѣвшееся лицо, низко нагнулась надъ колодцемъ и, опустивши въ воду ведро, замерла... До ея слуха неясно долетали звуки чьего то голоса, такого знакомаго и симпатичнаго... Она быстро набрала воды въ другое ведро и шибко пошла вдоль улицы, тревожно вслушиваясь въ знакомые звуки... Вотъ ей, какъ будто, почудилось ея имя... еще мгновеніе—и смолкло все кругомъ!... Показался снова, изъ за пригорка, небольшой столбъ пыли и двигался къ ней все ближе, ближе и ближе... Она остановилась и ждала,

притаивъ дыханіе и боясь пошевельнуться, она слышала частые удары своего сильно бьющагося сердца, сливающіеся съ шумомъ колесъ подъѣзжающей повозки...

— Петре!... винь!—почти крикнула Ганна и невольно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ...

Еще издали Петро замѣтилъ стройную, высокую дѣвушку, съ ведрами на плечахъ, быстро шедшую ему на встрѣчу.

Съ трудомъ онъ узналъ въ этой здоровой, цвѣтущей дѣвушкѣ прежнюю блѣдную порченную Ганну...

Проворно соскочивъ съ повозки, весь въ пыли, Петро подошелъ къ улыбающейся, раскраснѣвшей Ганнѣ и, ласково ударяя ее по плечу, восторженно вскрикнулъ:

— Ганно, чы ты?...

— А вже жъ я!—смущенно и радостно отвѣтила она, опустивъ слегка дрожація рѣсницы блестящихъ, ласкающихъ глазъ.

— Хвала Богу, що бачу тебе въ доброму здоровьи!

— Спасыби Богу и... тобі, Петро!—конфузливо проговорила Ганна, поднявъ на него глаза, полные благодарности и безпредѣльнаго счастья...

Глаза ихъ встрѣтились; они оба улыбнулись, и имъ обоимъ было такъ хорошо въ этомъ нѣмомъ созерцаніи, что никакая человѣческая рѣчь не могла сравниться съ нимъ: она профанировала бы только ихъ обоюдное душевное настроеніе и разрушила бы ихъ грезы, полныя радости первой любви и неподдѣльнаго искренняго счастья желанной встрѣчи...

VIII.

Настало время жатвы. Ганна, здоровая и веселая, отправилась съ дядыной Оксаной въ поле. Солнце чуть чуть выглядывало изъ за тучекъ, освѣщая пріятнымъ, мягкимъ, утреннимъ свѣтомъ цѣлый рой молодыхъ дѣвушекъ-жницъ, нанятыхъ Оксаной. Среди нихъ рѣзко выдѣлялась красавица Ганна; откинувъ назадъ роскошную, черную косу, она нагнулась всѣмъ корпусомъ надъ снопомъ и крѣпко вязала его, подбирая непослушные, полные колосья...

Ганна давно не жала; она съ восторгомъ смотрѣла на группы жницъ и что то отрадное, давно забытое, давно не испытанное наполнило все ея молодое существо... Сначала она жала несмѣло и робко, но увлекаясь все больше и больше, скоро перегнала многихъ работницъ.

— Добре, Ганно, добре!.. Та й хутко жъ ты жнешь!—крикнула ей дядына Оксана, любуясь ея проворствомъ.

Ганна улыбнулась и ласково посмотрѣла на дядыну Оксану.

— Хвалыты Господа, що я одужала: теперъ мѣни робота не тяжка!—весело сказала Ганна, перевязывая новый снопь.

— И я могу воздать сугубую хвалу проворству нашей найбезнодобнѣйшей Ганны!—громко раздался пискливый тенорокъ разфранченнаго Данила Гавриловича за спиной Ганны.

— Цуръ вамъ! якъ вы мене налякали, Даныло Гаврыловичъ!—сказала она серьезно, роняя серпъ.

Данило Гавриловичъ подошелъ къ ней близко, прищурилъ масляные глаза, скользнувшіе по всему стану нагнувшейся надъ снопомъ дѣвушки, и заговорилъ сладенькимъ голоскомъ, не обращая вниманія на остальныхъ жницъ.

— Весьма очень печально мнѣ слышать сіе! Желалъ бы я не пугать тебя своимъ образомъ, а желалъ бы, чтобъ ты, пышная Ганночка, со мной была лас...

Онъ запнулся и замолчалъ: мимо нихъ проходилъ Петро, надвинувъ низко на лобъ бриль и, не смотря на Ганну и Данила Гавриловича, подошелъ къ молодымъ дѣвушкамъ жницамъ.

— Богъ помичъ, дивчата!—сказалъ онъ, поворачиваясь спиной къ Данилу Гавриловичу.

— Спасыби!—весело отозвались жницы.

— Коны жъ, дивчата, прійдете до мене жаты?

— А ось унавымось зъ нывою дядыны Оксаны, а тоди и до тебе!—отвѣчали нѣкоторыя дѣвушки, переставая жать.

— Добре, пожду.

Жницы начали перешептываться, хихикать и указывать пальцами на смущеннаго Данила Гавриловича, безмолвно мигавшаго хитрыми бѣгающими глазками.

— Весьма очень жарко здѣсь... въ полѣ!... пробормоталъ Данило Гавриловичъ тихо и, не обращая вниманія на жниць, пошелъ домой.

Его провожалъ насмѣшливый хохотъ молодыхъ дѣвушекъ, задорно затаившихъ ему вслѣдъ напутственную пѣсню.

„Тоби, панъ Даныло,
На нись муха сила!
Гляды жъ, панъ Даныло,
Щобъ нись твій не зъила!“...

Ганна по прежнему, серьезная и раскраснѣвшаяся, молча жала и изрѣдка тревожно и грустно посматривала въ сторону Петра...

Она не разъ уже замѣчала, что онъ какъ будто избѣгалъ ея и каждый разъ, встрѣчаясь съ ней, смотрѣлъ на нее серьезно и пытливо. Говорилъ онъ съ ней мало и то какими то непонятными намеками и загадками... Встрѣтивъ ее какъ то на улицѣ вмѣстѣ съ Даниломъ Гавриловичемъ, онъ повернулъ въ переулокъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ихъ... Въ другой разъ, задумавъ побѣлить „хату“, а „прызбу“ вымазать красной глиной, Ганна вечеромъ, взявши „заступъ“ и „ряднынку“, пошла копать глину въ „Красный яръ“.— „Краснымъ яромъ“ называли грушевцы отдаленную, мало населенную часть села, гдѣ „бабы“ копали красную глину. Не успѣла Ганна сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ услышала за собой чьи то торопливые шаги; оглянувшись, она увидѣла Данила Гавриловича, поспѣшно нагоняшаго ее. Не зная, въ чемъ дѣло, Ганна остановилась и спросила:

— А що Даныло Гаврыловичъ, може мене дядына Оксана втыкала?

Онъ поровнялся съ ней, улыбнулся во весь ротъ и проговорилъ мягко и вкрадливо:

— Нѣтъ, дражайшая Ганночка, никто васъ не звалъ, только мое сердце ежечасно, безъ удержу, взываетъ до васъ!

Ганна серьезно посмотрѣла на него, пожала плечами и сухо сказала:

— Не знать що вы говорите!

Тѣмъ не менѣе, Данило Гавриловичъ не унывалъ и, весело болтая, послѣдовалъ за Гапной въ „Красный яръ“.

Многаго Гаяна не понимала изъ сладкоприторной болтовни Данила Гавриловича, а многаго и не хотѣла понимать!...

Съ нѣкотораго времени Данило Гавриловичъ всюду преслѣдовалъ Ганну и слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ. Онъ часто сталъ заглядывать въ поле, въ огороды и на поляну, куда она обыкновенно выгоняла въ „череду“ коровъ дядыны Оксаны, лишь бы только встрѣтить дѣвушку и наговорить ей цѣлый коробъ любезностей. Хотя онъ замѣчалъ расположеніе Ганны къ Петру и видѣлъ въ его лицѣ соперника, по соперника отнюдь не опаснаго, такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ преимущества были на его сторонѣ. Онъ настойчиво велъ атаку противъ холодной и серьезной красавицы Ганны и только одного страшился: здороваго и сильнаго кулака ревниваго „парубка“...

Тихій лѣтній день все больше и больше потухалъ и только на горизонтѣ виднѣлась узкая красная полоска умирающаго солнечнаго свѣта. Было что то особенно пріятное, успокоительное къ этихъ мерцающихъ слабыхъ лучахъ, въ этомъ тихомъ, тепломъ вечерѣ...

Накопавъ цѣлую „рядыну“ глины, Ганна отбросила въ сторону заступъ и, не слушая неумолкавшаго Данила Гавриловича, засмотрѣлась на тлѣющую дрожащую полоску, на зеленую поляну и узкую извилистую тропинку, по которой шли крестьяне и крестьянки, возвращаясь съ поля. Между ними она замѣтила Петра... Она подняла на него свои потемнѣвшіе глаза и яркій румянецъ покрылъ ея щеки: онъ проходилъ мимо нея, разговаривая съ крестьянами, такъ близко, близко и... даже не взглянулъ въ ея сторону...

Поровнявшись съ Даниломъ Гавриловичемъ, Петро, не кланяясь ему, сурово спросилъ:

— Помогаешь конать глыну?...

Данило Гавриловичъ что то смущенно пробормоталъ въ отвѣтъ и инстинктивно схватился за „заступъ“...

Петро глухо захохоталъ и, презрительно взглянувъ на трусливаго Донъ-Жуана, прошелъ дальше...

Послѣ этого онъ нѣсколько дней не приходилъ къ дядынѣ Оксанѣ и, зайдя какъ то вечеромъ грустный и задумчивый, говорилъ съ Ганной особенно мало и неохотно...

Ганна ничѣмъ не могла объяснить перемѣны, происходящей съ Петромъ—такой для нея мучительной и незаслуженной, и часто собиралась поговорить съ нимъ откровенно, но у ней не хватало смѣлости. Часто, когда Петро бывалъ по прежнему веселъ и разговорчивъ, она мысленно упрекала себя въ излишней подозрительности и „бабьей“ глупости. Но сегодня она положительно убѣдилась, что онъ сердится и не хочетъ подходить къ ней...

Она тревожно слѣдила за нимъ и, ловя каждое его движеніе, жестъ, каждое слово, продолжала жать безъ отдыха, безъ передышки, безъ утомленія...

IX.

Черезъ нѣсколько дней полоса дядыни Оксаны была совершенно сжата.

Старуха дядына, возвратясь съ поля очень утомленной, отдыхала на „лави“, а Ганна варила „вечерю“.

Кто то постучалъ въ дверь.

— А кого Богъ прынисъ?—отозвалась дядына Оксана, приподнявъ голову.

— Та це я!—послышался за дверью голосъ Петра.

Ганна обрадовалась и покраснѣла.

— Одчыны, доню!—сказала старуха, садясь на „лаву“.

Онъ вошелъ въ хату, низко поклонился и серьезно сказалъ.

— Здоровы булы, дядыно и ты Ганно!

Ганна ничего не отвѣтила и, привѣтливо кивнувъ ему головой, повернулась всѣмъ корпусомъ къ печи и стала суетливо подбирать съ „прыщичка“ соломенки и бросать ихъ въ ярко пылающее пламя.

— Сидай, Петро, чого стоишь!—сказала дядына Оксана.

— Спасыби.

— А колы вже будешъ почынаты жныва?

— Та оце думаю завтра.

— Трошки піздненько,—замітила старуха.

— Нічого, ще управлюсь...

У дядьни Оксаны оть усталости слипались глаза и она зѣвнула на всю хату, набожно перекрестивъ широко открытый, беззубый ротъ.

Ганна продолжала суетиться возлѣ печи, а Петро молча слѣдилъ за ея движеньями, грустно, тоскливо смотря на ея раскраснѣвшееся, оживленное лицо.

— Що, Ганно, варышъ вечерю?—спросилъ онъ тихо и серьезно.

— Эге... отвѣтила дѣвушка, потупляя глаза, тоже тихо, безъ улыбки.

— Та спасыби їй, доглядае за мною, старою, якъ за ридною матирью!—сонливо отозвалась дядьна Оксана.

— Грехъ вамъ и дякувать мени!—съ ласковымъ упрекомъ сказала Ганна, якъ бы не вы, та панна хвелшериця, та ще... Петро, то, не знаю, чы булабъ я доси живою!...

— Годи, Ганно! На те була Божа воля!.. раздраженно сказалъ Петро, не смотря на нее.

Ганна вздрогнула и съ удивленіемъ посмотрѣла на Петра...

Онъ сидѣлъ съ низко опущенной головой и съ сильно поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Зновъ сердытся!—подумала Ганна;—але жъ за що, за що?...

Она немного отошла отъ печи, взглянула робко на Петра и тихо, но рѣшительно, проговорила.

— Завтра и я пійду до тебе жаты, Петро, бо тильки своєю працею для тебе я и зможу виддячыты тобі за всю твою добристь, за все те добро, що ты для мене зробивъ...

Голосъ у ней дрожалъ, а слезы давили ее; она замолчала и стала передъ нимъ смущенная, съ опущенными глазами и низко наклоненной головой,

— Ганно, послухай!... началъ Петро и замаялся.

Ея глаза робко, нерѣшительно взглянули на него изъ за блестящихъ прядей черныхъ волосъ, спутанныхъ на лбу...

— Ганно!... окликнулъ онъ ее снова.

Она молчала и напряженно слушала, не шевелясь, какъ бы боялась малѣйшимъ движеніемъ заглушить этотъ молодой, симпатичный и взволнованный голосъ...

— Ганно...

Послышался снова тихій, сдержанный окликъ и замолкъ, словно растаялъ въ воздухѣ...

— Та що Ганно, та Ганно!—отозвалась полудремавшая дядына Оксана;—говори жъ хутенько, що маешъ казаты!

Петро всталъ съ „лавы“, взглянулъ на поблѣднѣвшую, смущенную Ганну и, поклонившись ей въ поясъ, глухо сказалъ.

— Спасыби, Ганно, спасыби!... не треба мени твоеи услуги... обійдусь!

Онъ гозориль торопливо, їдко, не глядя на нее и избѣгая ея взгляда.

Ганна сдѣлала шагъ впередъ и, широко открывъ глаза, смотрѣла на него пристально и сурово.

— Петро, що зъ тобою?!... Чимъ я провинилась передъ тобою, що ты ставъ такой до мене?...

Она не спускала съ него пытливыхъ глазъ, медленно дышала и съ страшнымъ напряженіемъ ждала его отвѣта.

— Я не хочу твоеи услуги, бо... бо ты мене не любишь, а любишь... Даныла Гаврыловича!—задыхаясь, сказалъ онъ и сильно поблѣднѣлъ.

Въ груди ея закипѣла глухая злоба и оскорбленіе, она съ ужасомъ смотрѣла на него, все еще не понимая, что именно онъ сказалъ, но сознавала, что онъ ей сказалъ что то ужасное и невозможное для нея и, въ одно и тоже время, что то невѣроятно смѣшное... Еще мгновеніе—и она все поняла... Безотчетно протянувъ къ нему холодныя руки и придвинувшись близко къ его блѣдному лицу, она сказала тихо, прерывающимся шепотомъ.

— Ось чого ты... сердывся!... Ни, его ни... не бійся!... тебе люблю!

— Мене?... мене?... спрашивалъ онъ, не вѣря своимъ ушамъ, не вѣря своему счастью. Онъ крѣпко сжалъ ея протянутыя руки, привлекъ къ себѣ и цѣловалъ дорогое, взволнованное лицо и поблѣднѣвшія губы.

— Що це за новына?!—вдругъ вскрикнула проснувшаяся дядына Оксана, увидя Петра, цѣлующаго Ганну.

Ганна сконфузилась, сильно покраснѣла и поспѣшно отскочила отъ Петра.

— Добре Петро, добре Ганно!—сердито сказала старуха, вставая съ „лавы“.

— Дядыно, маты моя хрещена, не гнивайтесь!—весело и восторженно заговорилъ Петро, подойдя къ дядынѣ Оксанѣ;—я дуже люблю Ганну!... Поможить зробыты сватанне!...

Дядына Оксана молча взглянула на восторженнаго Петра и улыбающуюся, счастливую Ганну, и слезы радости блеснули на ея старческихъ глазахъ...

Черезъ двѣ недѣли, въ одной изъ церквей мѣстечка Червонаго, наполненной любопытными и завистливыми Грушевцами, вѣнчался богачъ Петро съ дочерью нищаго Остапа, порченной Ганной...

Юлія Левицкая-Пашенко.

